

ИСТОРИЯ ПАРАГВАЯ В ОСВЕЩЕНИИ НОВЕЙШЕЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. С. Альперович

Исторические судьбы Парагвая в силу ряда обстоятельств сложились чрезвычайно трагично для его народа. Став в первой половине XVI в. жертвой испанских завоевателей, индейские племена гуарани к началу следующего столетия оказались под властью иезуитов, основавших на территории Парагвая многочисленные духовные миссии. Миссионеры согнали индейцев в специально созданные поселения (редукции), где они были обречены на непосильный, изнурительный труд и полуголодное существование в условиях бесчеловечного тюремно-казарменного режима, введенного «отцами»-иезуитами.

В первой четверти XIX в., когда народы Латинской Америки поднялись на борьбу за освобождение от колониального ига, парагвайским патриотам пришлось не только сражаться с испанскими колонизаторами, но и выступить также против попыток нового правительства Буэнос-Айреса распространить свою власть на весь бассейн Ла-Платы (включая Парагвай). В этой сложной обстановке парагвайскому народу удалось добиться государственной самостоятельности и отстоять ее; затем, в результате некоторых прогрессивных преобразований, страна за полвека независимого существования достигла довольно высокого для тогдашней Латинской Америки уровня развития экономики, став одним из наиболее передовых по своему социально-экономическому строю латиноамериканских государств.

Однако в середине 1860-х годов Парагвай подвергся вооруженной агрессии со стороны соседей (Аргентина, Бразилия, Уругвай), которые были недовольны его независимой позицией и экономическими успехами и стремились захватить пограничные парагвайские территории. Длительная война (1864—1870 гг.) против превосходящих сил коалиции, в которую входили два наиболее крупных южноамериканских государства, пользовавшихся активной поддержкой Англии и других держав, явилась, по словам У. З. Фостера, самой ожесточенной и кровопролитной из всех войн между странами Америки¹. Она закончилась поражением Парагвая, который был оккупирован бразильскими войсками, разорен и опустошен. В итоге войны на полях сражений, от голода и болезней погибло примерно три четверти его населения, причем среди уцелевших 230 тыс. жителей преобладали женщины и дети, количество же взрослых мужчин не достигало в начале 70-х годов и 29 тыс. человек². Почти половина парагвайской территории была отторгнута Бразилией и Аргентиной.

Война 1864—1870 гг. оказала губительное влияние на исторические судьбы Парагвая. Лишенный значительной части территории, необходимых людских и материальных ресурсов, он был отброшен далеко назад в своем развитии и сразу превратился в одну из самых отсталых стран

¹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1955, стр. 267.

² G. Pendle. Paraguay. A Riverside Nation. London. 1954, p. 24.

Латинской Америки, в настоящее время уступающую по численности населения даже большинству малых республик Центральной Америки и Вест-Индии. Утратив фактически свою самостоятельность, Парагвай попал в зависимость от иностранного капитала, усиленное проникновение которого быстро привело к закабалению страны. Позднее империалисты втянули ее в разорительную войну с Боливией (1932—1935 гг.), плодами которой воспользовались в своих интересах прежде всего монополии США.

Во время и после второй мировой войны парагвайский народ оказался под властью кровавых диктаторов Мориниго, Чавеса, Стреснера. И поныне Парагвай продолжает оставаться одной из немногих латиноамериканских стран, где открыто сохраняется террористический режим военной диктатуры, что приводит к систематической массовой эмиграции населения.

Несмотря на то, что история Парагвая представляет значительный интерес, она не нашла достаточного отражения в научной литературе, особенно европейской и североамериканской. Хотя отдельные проблемы (деятельность иезуитов, война 1864—1870 гг., боливийско-парагвайская война 1932—1935 гг.) давно привлекали внимание исследователей, в истории страны можно найти яркие, важные и богатые событиями страницы, которые освещены весьма скупо. К ним относятся, в частности, история Парагвая на протяжении большей части прошлого столетия — от установления независимости до Парагвайской войны. Только за последнее время в западной буржуазной историографии возрос интерес к изучению парагвайской истории, в том числе и недостаточно исследованных периодов. Освещение некоторых проблем истории Парагвая доимпериалистической эпохи (XVII—XIX вв.) современными буржуазными учеными Запада и является темой настоящей статьи.

При ознакомлении с опубликованными в послевоенные годы трудами об историческом прошлом Парагвая обращает на себя внимание то обстоятельство, что активизация научных изысканий в данной области за пределами Латинской Америки осуществляется главным образом за счет работ историков Европы, в первую очередь Западной Германии. Особый интерес, проявляемый в ФРГ ко многим вопросам истории Парагвая, вполне понятен. На протяжении многих лет страна являлась одним из главных объектов германской империалистической экспансии в Латинской Америке. Еще в 80-е годы прошлого столетия началась немецкая колонизация Парагвая, которая приобрела впоследствии широкий размах и особенно усилилась после первой мировой войны. Известную роль сыграло в этом то обстоятельство, что Парагвай принадлежал к числу немногих латиноамериканских стран, не объявивших тогда войну Германии. С середины 20-х годов в Парагвае обосновалось много членов анабаптистской секты меннонитов, почти исключительно немецкого происхождения. В таких условиях после второй мировой войны, когда западногерманские монополии интенсивно проникают в Южную Америку, в частности в страны, расположенные в бассейне Ла-Платы, и вообще заметно возросла немецкая иммиграция в этот район, интерес к парагвайской тематике у историков Западной Германии усилился, что нашло соответствующее отражение в их трудах.

В научной литературе США в отличие от европейской буржуазной историографии истории Парагвая XVII—XIX вв. уделяется, как это ни может показаться странным, мало внимания. За весь послевоенный период изданы лишь три книги на эту тему, причем две из них не являются научными исследованиями в полном смысле слова. Это общий очерк истории Парагвая Харриса Г. Уоррена и книга Филипа Рэйна «Параг-

вай», около половины которой составляет исторический обзор, а остальную часть занимает общая социальная и географическая характеристика страны, ее экономики, социальных отношений, культуры и т. д.³ Обе работы написаны исключительно на основе имеющейся литературы; в тексте нет каких-либо ссылок на источники. Исследовательский характер носит фактически лишь монография Элмана Р. Сервиса, посвященная проблеме отношений между испанцами и индейцами гуарани в колониальном Парагвае XVI—XVII веков⁴. В нашу задачу не входят анализ и оценка этого труда. Следует, однако, заметить, что попытка автора представить отношения между испанскими завоевателями и эксплуатировавшимся ими коренным индейским населением Парагвая как «добровольный союз», его тенденция преуменьшить сопротивление индейцев колонизаторам являются грубым искажением исторических событий.

Слабая разработка проблем парагвайской истории в современной буржуазной историографии США, уделяющей, как известно, чрезвычайно большое внимание изучению Бразилии, Мексики, государств Центральной Америки, Кубы и других латиноамериканских стран, посвоему примечательна. Это явление типично не только для послевоенного, но и для предшествующего периода, когда за четверть века в США было опубликовано всего несколько небольших работ (главным образом журнальных статей) по данной тематике. Можно лишь высказать предположение, что столь явное отсутствие интереса североамериканских буржуазных историков к прошлому Парагвая в какой-то мере связано с тем, что в течение длительного времени проникновение империализма США в Парагвай, как и в другие страны Ла-Платы, экономике которых вплоть до второй мировой войны в основном контролировал английский капитал, было сравнительно менее интенсивным, чем экспансия в остальные районы Латинской Америки.

Значительная часть работ по истории Парагвая, вышедших в свет за последнее время в западноевропейских странах, касается проблемы так называемого иезуитского государства в Парагвае (1610—1768 гг.). По этому вопросу существует обширная литература. О парагвайских редукциях ордена иезуитов неоднократно упоминали еще французские просветители XVIII века. Разоблачая «святых отцов» как жестоких эксплуататоров бесправных и поработенных индейцев, Вольтер со злой иронией писал: «Удивительное у них государство... Los padres⁵ имеют там все, а народ ничего; это образец разума и справедливости»⁶. Ряд высказываний об «иезуитском государстве» содержится в сочинениях Монтескье, Дидро, д'Аламбера, Гельвеция. Этой теме отводится место также в многочисленных трудах церковных и буржуазных авторов XVIII—XX веков. Она получила освещение и в марксистской литературе. Глубокий анализ этого вопроса дал, в частности, Поль Лафарг, посвятивший ему специальную работу⁷. Известное отражение эта проблема нашла и в советской историографии⁸.

³ H. G. Warren. Paraguay. An Informal History. Norman. 1949; Ph. Raine. Paraguay. New Brunswick. 1956.

⁴ E. R. Service. Spanish-Guarani Relations in Early Colonial Paraguay. Ann Arbor. 1954.

⁵ «Отцы» (исп.).

⁶ Ф.-М. Вольтер. Кандид. М. 1955, стр. 45.

⁷ P. Lafargue. Die Niederlassungen der Jesuiten in Paraguay. «Die Vorläufer des neueren Sozialismus». Bd. I. Th. 2. Stuttgart. 1895, SS. 719—749. Русск. пер.: П. Лафарг. Поселения иезуитов в Парагвае. «Из истории общественных течений (история социализма)». Т. II, СПб. 1906, стр. 327—360.

⁸ См. Д. Е. Михневич. Очерки из истории католической реакции (иезуиты). Изд. 2-е. М. 1955, стр. 188—223; «Народы Америки». Т. II. М. 1959, стр. 574—576; И. Лаврецкий. Тень Ватикана над Латинской Америкой. М. 1961, стр. 46—49.

После второй мировой войны книги буржуазных историков о деятельности иезуитов в Парагвае XVII—XVIII вв. были изданы в различных странах Европы. Характер и научная ценность этих работ далеко не одинаковы. Некоторые из них представляют собой серьезные монографические исследования, основанные на изучении широкого круга источников и литературы; другие являются популярными очерками компилятивного характера и без научного аппарата, не вносящими, по существу, ничего нового в историографию вопроса. Последним, как правило, присуща ярко выраженная социально-политическая тенденция, которая в действительности и определяет их смысл, направление и назначение. Для такого рода публикаций типичны изданные во Франции книги клерикальных авторов К. Люгона и Ж. Декола, а также известного буржуазного социолога Луи Бодена⁹.

Несмотря на некоторые различия в терминологии, основные идеи и оценки указанных трех авторов в общем почти совпадают. Выступая в роли апологетов католической церкви, они заявляют, что миссионерская деятельность иезуитов в Парагвае (как и в других странах Америки) была якобы продиктована исключительно благородной и абсолютно бескорыстной заботой о благополучии индейцев, об их приобщении к христианской религии и европейской цивилизации. Вопреки общеизвестным историческим фактам названные авторы утверждают, что в парагвайских редукциях будто бы царило полное равенство всего населения, отсутствовали какие-либо социальные различия, все средства производства были обобществлены, а жизнь гуарани под властью «отцов»-иезуитов была счастливой и безоблачной.

Рисуя подобную идиллическую картину некоего «земного рая», Люгон вслед за многими буржуазными историками XIX—XX вв. определяет общественный строй иезуитских редукций как «христианско-коммунистическую республику гуарани»¹⁰. Декола также считает, что в «республике гуарани» фактически имелись налицо все признаки «коммунизма». Однако поскольку она была основана, по его словам, целиком и полностью на несовместимых с коммунистической идеологией религиозных принципах, он характеризует ее как «христианскую республику». Что касается Бодена, то, не желая, как он заявляет, шокировать буржуазного читателя одиозным для того эпитетом «коммунистическая», этот автор употребляет более широкое, по его мнению, понятие — «социалистическая теократия», говорит о «социалистическом опыте» парагвайских иезуитов и т. п.

В отличие от довольно легковесных работ упомянутых выше французских историков фундаментальный труд известного шведского американиста Магнуса Мёрнера «Политическая и экономическая деятельность иезуитов на Ла-Плате», изданный стокгольмским Институтом по изучению Латинской Америки¹¹, является серьезным научным исследованием. Оно написано преимущественно на базе неопубликованных документов из архивов Аргентины, Бразилии, Парагвая, Испании, Португалии, Италии и Англии, где автор работал с 1947 по 1952 год. Существенным достоинством работы Мёрнера является то, что в освещении политической и экономической деятельности ордена иезуитов он не ограничивается обычными традиционными рамками парагвайских редукций, созданных в районах, населенных племенами гуарани, а рассматривает

⁹ C. Lugoñ. La République communiste chrétienne des Guaranies. Paris. 1949; J. Descola. Quand les jésuites sont au pouvoir. Paris. 1956; L. Baudin. Une Théocratie socialiste: l'état jésuite du Paraguay. Paris. 1962.

¹⁰ Развернутую критику этого тезиса см. у Д. Е. Михневича. Указ. соч., стр. 211—212.

¹¹ M. Mörner. The Political and Economic Activities of the Jesuits in the La Plata Region. The Hapsburg Era. Stockholm. 1953.

вопрос в масштабе всего бассейна Ла-Платы (включая наряду с Парагваем территории нынешних Аргентины, Уругвая, частично Бразилии и Боливии).

Однако Мёрнер доводит свои изыскания лишь до 1700 г., вследствие чего он не рассмотрел процесс в целом, с учетом изменений и новых явлений, происходивших в XVIII веке. Это обстоятельство привело его к некоторым ошибочным, односторонним суждениям. Так, оставляя открытым вопрос о положении гуарани в иезуитских редукциях Парагвая (он ограничивается простым упоминанием о том, что в исторической литературе по этому поводу высказываются диаметрально противоположные точки зрения), Мёрнер в то же время предполагает, что оно было относительно лучше, чем положение индейских племен и народов других районов Ла-Платы. В подтверждение правильности подобного вывода он приводит факт резкого сокращения численности последних из-за эпидемий, потребления алкоголя, бесчеловечного обращения и жестокой эксплуатации их европейскими колонистами, тогда как население парагвайских редукций в течение XVII в. увеличивалось. Мёрнер объясняет это тем, что иезуиты не допускали пьянства среди подвластных им гуарани, путем строгой изоляции их от белого населения препятствовали проникновению эпидемических заболеваний, а также обращались с индейцами сравнительно более «гуманно», чем светские колонизаторы¹². Между тем если в XVII в. за счет создания новых и расширения существовавших иезуитских редукций в Парагвае численность их индейского населения действительно возрастала, то в XVIII в. она временами катастрофически сокращалась. Так, с 1732 до 1740 г. число гуарани в редукциях уменьшилось со 141 тыс. до 74 тыс. человек, а в дальнейшем, вплоть до распада иезуитского государства, никогда не превышало 100 тыс. человек¹³. Особенно высока была в редукциях детская смертность.

За последние годы новые работы о парагвайском иезуитском государстве изданы также на немецком языке. Самой значительной из них является докторская диссертация Паульвальтера Концельмана об экономическом развитии иезуитского государства, защищенная в Кёльнском университете¹⁴. Хотя работа подготовлена на основе опубликованных источников и литературы, она содержит полезное исследование экономической и финансовой политики «отцов»-иезуитов, которое составляет большую часть книги. Вместе с тем во вводных главах и заключении автор касается ряда общих проблем, связанных с историей парагвайских редукций.

Интерес западногерманского ученого к данному вопросу отнюдь не случаен. В значительной мере под влиянием упомянутых выше факторов в немецкой буржуазной историографии давно сложилась традиция, в силу которой указанная тематика всегда занимала в ней определенное место. Так, не говоря уже о более далеких временах, можно указать на вышедшие в 1920-е годы хорошо документированное исследование Марии Фассбиндер и более популярный очерк Иоганна-Себастьяна Геера об иезуитском государстве¹⁵.

Работа Концельмана была широко использована в книге австрийского автора Густава Отрубы¹⁶, которая носит в известной мере компилятивный характер. Отруба воспроизводит ряд тезисов и выводов

¹² Ibid., pp. 203—204.

¹³ См. M. Fassbinder. Der «Jesuitenstaat» in Paraguay. Halle. 1926, SS. 80—81.

¹⁴ P. Conzelmann. Wirtschaftswachstum und -entwicklung im Jesuitenstaat von Paraguay. Köln. 1958.

¹⁵ M. Fassbinder. Op. cit.; J. S. Geer. Der Jesuitenstaat in Paraguay. Nürnberg. 1928.

¹⁶ G. Otruba. Der Jesuitenstaat in Paraguay. Idee und Wirklichkeit. Wien. 1962.

Концельмана, не ссылаясь, однако, на источник и даже не упоминая о нем в перечне использованной литературы.

Среди различных проблем, рассматриваемых Концельманом, прежде всего отметим постановку им вопроса о правомерности употребления по отношению к иезуитским редуциям термина «государство». В отличие от Мёрнера, который склонен был считать парагвайские редукции не государством, а составной частью испанской колониальной империи, пользовавшейся известной административной автономией¹⁷, Концельман соглашается с подобным толкованием лишь в «государственно-правовом» смысле. С социологической же точки зрения владения иезуитов, контролировавших определенную территорию с населением и располагавших атрибутами государственной власти, обладали, по его мнению, всеми признаками государства¹⁸. Создание иезуитского государства являлось, по словам Концельмана, отнюдь не самоцелью, а лишь предпосылкой и средством для решения главной задачи — обращения индейцев в христианство и обеспечения их материального прогресса. Идеализируя деятельность иезуитов в Парагвае, он утверждает, что они якобы добились поставленной цели путем проведения экономической и финансовой политики, соответствовавшей особенностям и уровню развития гуарани¹⁹. Превознося иезуитов за «гибкость» применявшихся ими методов, автор в противоположность многим буржуазным историкам, рисующим картину трогательной гармонии между индейцами и «святыми отцами»²⁰, в то же время прямо признает, что власть последних над гуарани была основана на насилии, что они подчинили себе индейцев, лишили их свободы и т. д. Именно подобные «гибкие» методы обращения с коренным населением Концельман ставит в заслугу иезуитам, ибо только так и следовало действовать, с его точки зрения, по отношению к «диким», «примитивным» племенам для того, чтобы обеспечить их счастье и материальное благополучие²¹.

Книга Концельмана имеет вполне определенный политический аспект. Автор откровенно преподносит «иезуитский эксперимент» как образец решения проблемы экономического развития слаборазвитых стран в настоящее время. Он прямо заявляет, что если придерживаться методов, применявшихся в XVII—XVIII вв. иезуитами в Парагвае, то можно будет и в наши дни добиться весьма существенных результатов²². Оставляя в стороне явную нереальность любой попытки приспособления «парагвайского опыта» к современным условиям, нельзя не отметить, что самая идея заимствования рецептов для борьбы против национально-освободительного движения народов из арсенала далекого колониального прошлого симптоматична для реакционного течения в нынешней буржуазной историографии.

Хотя на первый взгляд концепция Концельмана как будто отличается от приведенных выше высказываний открытых апологетов иезуитского государства, по существу, она смыкается с ними, ибо все они, по-разному характеризую методы иезуитов, сходятся между собой в том, что деятельность последних определялась якобы не их собственными интересами и вполне материальными расчетами, а исключительно «бескорыстной заботой» о благе индейцев, приобщении их к христианской религии и иными «гуманными» побуждениями.

В действительности дело обстояло совершенно не так. В работах многих латиноамериканских и других буржуазных историков либераль-

¹⁷ М. Могнер. *Op. cit.*, pp. 205—206.

¹⁸ P. Conzelmann. *Op. cit.*, SS. 135—136.

¹⁹ *Ibid.*, SS. 146—147.

²⁰ Об этом пишет, в частности, Г. Отруба, который в остальном почти полностью следует концепции Концельмана. См. G. Otruba. *Op. cit.*, SS. 176—177.

²¹ P. Conzelmann. *Op. cit.*, SS. 148—150.

²² *Ibid.*, SS. 1, 151.

ного и антиклерикального направления содержится обильный фактический материал, разоблачающий миф о гармонии между иезуитами и индейским населением парагвайских редукций и свидетельствующий о жестоком угнетении и бесчеловечной эксплуатации индейцев, обреченных на подневольный труд для обогащения католической церкви, о строжайшей унижительной регламентации всей жизни гуарани и т. д. Последовательно и убедительно подлинная сущность иезуитского государства вскрыта в марксистской литературе. Еще П. Лафарг справедливо подчеркивал, что оно отнюдь не было «коммунистическим обществом, в котором все члены принимали участие в производстве сельскохозяйственных и промышленных продуктов и в равной мере имели право на пользование этими продуктами»; в иезуитских редукциях «мужчины, женщины и дети — все были обречены на каторжную работу и наказание кнутом и лишенные всяких прав, прозябали в равных для всех нищете и невежестве..., несмотря на колоссальные богатства, созданные их трудом... Христианская республика, основанная иезуитами в Парагвае..., оказывается, при ближайшем рассмотрении, очень остроумной и прибыльной смесью крепостничества и рабства. Индейцы, как крепостные, должны были сами производить средства для своего пропитания и, как рабы, были лишены всякой собственности»²³.

Аналогичная точка зрения высказывалась неоднократно и в советской историографии²⁴. Так, Д. Е. Михневич, посвятивший специальную главу своей работы об иезуитах деятельности последних в Парагвае, характеризовал существовавший в редукциях режим как «своеобразное колониальное рабство, приукрашенное феодальными побрякушками»²⁵.

В коллективном труде «Народы Америки» и книге И. Р. Лаврецкого о роли католической церкви в Латинской Америке говорится о рабовладельческом строе в иезуитском государстве²⁶. Несмотря на то, что подобная характеристика, на наш взгляд, недостаточно обоснована, поскольку приводимые авторами конкретные данные свидетельствуют скорее о феодально-крепостническом строе с некоторыми элементами рабства²⁷, труды ученых-марксистов являются серьезным вкладом в изучение важной и сложной проблемы колониальной истории Парагвая. Что касается вопроса о существовавшем там строе, то он нуждается, по видимому, в специальном исследовании.

Как уже указывалось выше, до сих пор в достаточной мере не изучены некоторые узловые моменты истории Парагвая XIX в., в частности характер социально-экономического и политического строя, уровень раз-

²³ П. Лафарг. Указ. соч., стр. 359—360, 357.

²⁴ Вышедшая в СССР в середине 20-х годов книжка буржуазного экономиста В. В. Святловского, который рассматривал парагвайские редукции как «своеобразное коммунистическое государство иезуитов» в духе идей Кампанеллы, как интересный и поучительный опыт «практического осуществления коммунизма» и т. п. (оговорки насчет того, что в Парагвае существовал «коммунизм мнимый, чисто внешний», являвшийся, «по сути, искажением самой идеи и смысла коммунизма», не меняли, конечно, сущности его взглядов), была единственным исключением. См. В. В. Святловский. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Петроград. 1924, стр. 7, 11, 13—14, 51, 54.

²⁵ Д. Е. Михневич. Указ. соч., стр. 213.

²⁶ См. «Народы Америки». Т. II, стр. 754; И. Лаврецкий. Указ. соч., стр. 46—48.

²⁷ Видный деятель парагвайского коммунистического движения и историк Оскар Крейдт высказывается по этому поводу еще более категорически: «условия труда индейцев гуарани в редукциях были не рабские, а феодально-патриархального типа». См.: О. Крейдт. О парагвайской нации. «Нация Латинской Америки». М. 1964, стр. 250.

вития страны, ее внутренняя и внешняя политика в период диктатуры Франции (1814—1840 гг.) и его преемников — Карлоса Антонио Лопеса (1841—1862 гг.) и Франсиско Солано Лопеса (1862—1870 гг.); исторические предпосылки Парагвайской войны 1864—1870 гг. Эти проблемы вызывают в научной литературе много споров и различных толкований. Однако при обилии поверхностных, бездоказательных, а подчас тенденциозных суждений количество фундаментальных исследований, основанных на всестороннем изучении и тщательном анализе источников, невелико. Правда, новейшая парагвайская историография пополнилась за последние десятилетия несколькими трудами по данной тематике, среди которых упомянем интересные монографии видных буржуазных историков Иполито Санчеса Келя, Хулио Сесара Чавеса, Эфраима Кардосо. Следует отметить также упоминавшееся выше марксистское исследование О. Крейдта, в котором дается глубокий научный анализ ряда важных вопросов истории Парагвая в прошлом столетии. Однако за пределами Латинской Америки с конца 1920-х и вплоть до начала 1960-х годов не появилось ни одной заслуживающей внимания соответствующей работы (если не считать двух статей североамериканского историка Гарольда Петерсона по частному вопросу — о деятельности дипломатии США в Парагвае во второй трети XIX в.). Тем больший интерес представляет недавнее опубликование двух книг западногерманских ученых, посвященных малоизученным вопросам исторического развития Парагвая.

Докторская диссертация Гюнтера Кале, освещающая процесс формирования национального самосознания парагвайского народа²⁸, охватывает период от испанского завоевания Парагвая до конца правления Франции (1840 г.). Тема исследования была, по словам автора, рекомендована его учителем, известным специалистом по истории Латинской Америки проф. Рихардом Конекке, с которым он постоянно консультировался в ходе работы. В книге Петера Шмитта, хронологически составляющей продолжение предыдущей, рассматриваются отношения между Парагваем и европейскими державами при преемниках Франции (в 1841—1870 гг.)²⁹. События же предшествующего 30-летия изложены кратко во вводной главе. Значение обеих работ определяется не только важностью и актуальностью разработанных в них проблем, но и тем, что, будучи написаны в значительной мере на основе неопубликованных материалов парагвайских, аргентинских, бразильских и западногерманских архивов, они вводят в научный оборот много новых, ранее неизвестных или малоизвестных данных.

Характеризуя исторические условия формирования парагвайской нации, Г. Кале правильно отмечает, что ее основное ядро составило образовавшееся в результате смешения испанских завоевателей с коренными ими индейцами метисное население, материальной культуре и духовной жизни которого были присущи многие типично индейские черты. Важными факторами развития национального самосознания парагвайского народа он считает влияние языка гуарани, местную систему воспитания и образования, а также долголетнюю борьбу всего населения Парагвая с иезуитами (в частности, вооруженные выступления 40-х годов XVII в. и 20—30-х годов XVIII в.) и бразильцами, способствовавшую осознанию парагвайцами общности их интересов. Но к началу XIX в., когда американские колонии Испании были охвачены освободительным движением против колонизаторов, парагвайский народ, по мнению Кале, еще не успел сложиться в нацию, которая сознательно и

²⁸ G. Kahle. Grundlagen und Anfänge des paraguayischen Nationalbewusstseins. Köln. 1962.

²⁹ P. A. Schmitt. Paraguay und Europa. Die diplomatischen Beziehungen unter Carlos Antonio Lopez und Francisco Solano Lopez. 1841—1870. Berlin. 1963.

последовательно добивалась бы государственной самостоятельности. Только под воздействием внешних факторов, связанных с попыткой хунты Буэнос-Айреса, возникшей в 1810 г., силой оружия подчинить своей власти Парагвай, население последнего поднялось на борьбу за независимость, но не столько от далекой испанской метрополии, сколько от Буэнос-Айреса, посягательства которого представляли гораздо более реальную угрозу. Созданное в мае 1811 г. в Асунсьоне парагвайское правительство ограничилось провозглашением независимости от Буэнос-Айреса, и только в результате дальнейшего развития революции в октябре 1813 г. произошло, наконец, отделение Парагвая от Испании и провозглашение его суверенной республикой. Отрицая историческую закономерность такого хода событий, автор, по существу, склонен объяснять его лишь стечением обстоятельств, причем исторические корни парагвайской революции он видит не в противоречиях между колонией и метрополией, а в конфликте между Парагваем и Буэнос-Айресом. Нация создала парагвайское государство, утверждает Кале, а государство создало парагвайскую нацию, предпосылки образования которой складывались еще в колониальный период³⁰.

Подобная постановка вопроса представляется искусственной и вызывает серьезные возражения. Прежде всего следует отметить, что, анализируя сложный процесс образования нации, Кале сводит его фактически к формированию национального самосознания, то есть в основном к чисто психологическому фактору. Хотя он в какой-то мере учитывает значение территориальной и языковой общности населения, такой существенный момент, как установление и развитие экономических связей, обусловленные зарождением капиталистических отношений, совершенно выпадает из поля зрения автора. Нельзя согласиться и с его тезисом о том, что парагвайское освободительное движение начала XIX в. было направлено преимущественно не против испанских колонизаторов, а против правительства Буэнос-Айреса. На наш взгляд, революционные события начала XIX в. в Парагвае, как и в других американских колониях Испании, в первую очередь были вызваны стремлением к освобождению от ненавистного колониального ига, хотя острые разногласия между креольской верхушкой Асунсьона и Буэнос-Айреса, несомненно, сильно осложнили борьбу за независимость от Испании и наложили на нее специфический отпечаток. Освободительная война и образование самостоятельного государства явились важным этапом в длительном процессе формирования парагвайской нации и во многом способствовали ее дальнейшей консолидации. Например, О. Крейдт справедливо рассматривает формирование нации в Парагвае как результат «многовекового длительного и противоречивого процесса, стержнем которого была ожесточенная борьба парагвайцев за свержение колониального ига Испании»³¹.

Отводя решающую роль в завершении этого процесса политике, проводившейся правительством Франции, Кале посвящает деятельности последнего специальную главу, где он довольно подробно рассматривает данный вопрос, получивший крайне противоречивую оценку в исторической литературе. Так, многие буржуазные авторы, в частности либеральные парагвайские историки начала XX в. Сесилио Баэс, Мануэль Домингес и Мануэль Гондра, склонны были видеть во Франции тирана, деспотичного самодура, заслуживающего только безоговорочного осуждения. Впадая в противоположную крайность, английский историк П. Х. Бокс в конце 1920-х годов заявил, что Франция выражал якобы интересы крестьян-гуарани и что при нем и его преемниках частная

³⁰ G. Kahle. Op. cit., SS. 315—318.

³¹ О. Крейдт. Указ. соч., стр. 236. Своей кульминационной точки этот процесс достиг, по мнению автора, в период диктатуры Франции (там же, стр. 263).

инициатива была будто бы полностью подчинена контролю со стороны государства, вследствие чего в Парагвае сложилась система своеобразного «государственного социализма»³². В свою очередь, В. М. Мирошевский характеризовал Франсизма как вождя «парагвайской революционной демократии», который в течение четверти века возглавлял «революционно-демократическое правительство, опиравшееся на крестьянство и городскую мелкую буржуазию»³³.

Попытки преувеличить «революционность» и «демократизм» Франсизма, изобразить его представителем широких народных масс и т. п. подверглись в середине 1950-х годов справедливой, с нашей точки зрения, критике. Против характеристики диктатуры Франсизма как «революционной демократии» крестьян выступает и О. Крейдт, который считает общественный строй Парагвая исследуемого периода буржуазной (по своей сущности) «национальной революционной диктатурой»³⁴. Большинство советских историков, признавая прогрессивное значение мероприятий и преобразований Франсизма, которые объективно способствовали развитию капиталистических отношений, вместе с тем указывало, что правительство Франсизма выражало интересы имущих классов парагвайского общества, а его политика в значительной мере вызывалась необходимостью отстоять независимость страны от внешней угрозы³⁵.

Это мнение разделяет, между прочим, и Кале, который, ссылаясь на изложенную выше точку зрения советских авторов, также рассматривает проводившуюся Франсизмом политику самоизоляции Парагвая как вынужденный шаг, обусловленный враждебной позицией соседних государств и иными внешними факторами³⁶. Вслед за Х. С. Чавесом и другими парагвайскими историками он дает в целом весьма высокую оценку Франсизму, подчеркивая его патриотизм, личную честность, справедливость, бескорыстие, скромность, чувство долга и т. д. Противопоставляя Франсизма другим латиноамериканским диктаторам, Кале указывает, что он пытался «вооружить народ до зубов, не милитаризуя его», а отвергает обвинения Франсизма в проведении политики террора, отмечает, что число приговоренных к смертной казни по политическим мотивам за время его пребывания у власти было незначительным по сравнению с бесчисленными жертвами непрерывных вооруженных столкновений между враждующими группировками, происходивших в соседних государствах; население же Парагвая пользовалось всеми благами мирной жизни. Подобно Чавесу, Кале считает, что, хотя образование парагвайской нации, создание государства и установление независимости нельзя связывать только с именем Франсизма, последний в критический момент явился их самым ревностным защитником. Мероприятия правительства Франсизма, направленные на ограничение влияния иностранцев, подчинение церкви государству, политическую и экономическую изоляцию страны от внешнего мира, способствовали, по мнению Кале, росту национального самосознания парагвайского народа³⁷.

³² Р. Н. Вох. *The Origins of the Paraguayan War*. Urbana. 1929, pp. 11—12.

³³ В. Мирошевский. Хосе-Гаспар Франсизма — вождь парагвайской революционной демократии (1814—1840). «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 68—69. Аналогичную точку зрения высказала в своей диссертации Н. Р. Матвеева. (См. «Парагвай, Парагвайская война 1864—1870 годов и политика иностранных держав на Ла-Плате». Автореферат диссертации. Калинин. 1951, стр. 3.)

³⁴ О. Крейдт. Указ. соч., стр. 260. Следует, однако, отметить, что данная Крейдтом характеристика социальной базы этой диктатуры представляется нам несколько схематичной, недостаточно аргументированной и нуждается в конкретизации.

³⁵ См. М. С. Альперович, В. И. Ермолаев, И. Р. Лаврецкий, С. И. Семенов. Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826). «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 69—70.

³⁶ G. Kahle. *Op. cit.*, SS. 312—313.

³⁷ *Ibid.*, SS. 281—314.

Однако автор почти не касается социально-экономических преобразований, проведенных в годы правления Франции. Не ставит он и вопроса о характере общественного строя Парагвая того периода, ограничиваясь сделанным вскользь мимолетным замечанием о том, что в тогдашнем парагвайском обществе будто бы не существовало классов, никто не пользовался привилегиями, все граждане, богатые и бедные, имели равные права и одинаковые обязанности³⁸.

Несколько иную оценку режима Франции дает П. А. Шмитт, который, признавая его выдающиеся личные качества, обвиняет Францию в произволе, насилиях, деспотизме и т. д. Но и он отмечает, что политика Франции обеспечила сохранение независимости Парагвая, стимулировала развитие промышленности и ремесла, способствовала укреплению национального самосознания, избавила страну от внутренних беспорядков и угрозы поглощения ее Аргентинской конфедерацией: «Франция, без сомнения, олицетворял революционное движение против Испании и упрочение независимости парагвайского народа от других стран Ла-Платы»³⁹. Но в работе Шмитта периоду диктатуры Франции (главным образом его внешней политике) уделено не более десятка страниц; основное же содержание составляет исследование отношений Парагвая с государствами Европы на протяжении последующего тридцатилетия.

Эта проблема до сих пор почти не освещалась в исторической литературе. Авторы сводных трудов о Парагвайской войне, изданных в 1930—1940-е годы в Бразилии и Аргентине, Аугусто Тассо Фрагозу и Рамон Хосе Каркано⁴⁰, коснулись ее лишь мимоходом. Упомянутая выше работа английского исследователя Бокса о происхождении Парагвайской войны, написанная главным образом на базе опубликованных источников (хотя автор частично использовал и некоторые неопубликованные материалы из архивов США и Англии), посвящена в основном отношениям Парагвая с соседними странами (Аргентиной, Бразилией, Уругваем) с середины XIX в. до окончания войны. Принадлежащие перу парагвайского ученого Эфраима Кардосо исследования причин и обстоятельств возникновения Парагвайской войны⁴¹, основанные преимущественно на изучении документов, хранящихся в архивах Парагвая и других стран Ла-Платы, также ограничены рамками отношений между государствами этого района накануне войны (1863—1864 гг.). Источниками исследований советского историка Н. Р. Матвеевой, посвященных частным вопросам (англо-парагвайским отношениям и проникновению США в Парагвай в середине XIX в.), являются опубликованные исключительно европейские и североамериканские материалы⁴². Лишь парагвайский автор И. Санчес Кель в своем очерке внешней политики Парагвая с 1811 г. по 1870 г., изданном впервые почти 30 лет назад и вышедшем недавно третьим, исправленным и дополненным изданием⁴³, попытался осветить развитие отношений Па-

³⁸ Ibid., S. 311.

³⁹ P. A. Schmitt. Op. cit., SS. 17, 238.

⁴⁰ A. Tasso Fragozo. Historia da guerra entre a Triplíce Aliança e o Paraguay. Vol. I—V. Rio de Janeiro. 1934; R. J. Cárcano. Guerra del Paraguay. Vol. 1—3. Buenos Aires. 1939—1941.

⁴¹ E. Cardozo. Visperas de la guerra del Paraguay. Buenos Aires. 1954; e jus d. Il imperio del Brasil y el Rio de la Plata. Antecedentes y estallido de la Guerra del Paraguay. Buenos Aires. 1961.

⁴² Н. Р. Матвеева. Колониальная экспансия Англии в Парагвае. (Из истории парагвайско-английских отношений в 40—50-х годах XIX века.) «Ученые записки» Калининского государственного педагогического института. Т. 26, 1962, стр. 215—250; ее же. Первые попытки установления отношений США с Парагваем (40-е годы XIX века). Там же. Т. 38. 1964, стр. 382—434.

⁴³ H. Sánchez Quell. La diplomacia paraguaya de Mayo a Cerro-Corá. 3-a ed. Buenos Aires. 1957 (1-a ed.: 1935).

рагвая в указанный период не только с соседними государствами, но также с США, Англией, Францией и Испанией, причем привлек для этой цели вместе с опубликованными материалами ряд документов из парагвайского Национального архива. Однако этот труд, сам по себе довольно интересный, по своему общему научному уровню все же уступает работе Шмитта. Поскольку хронологические рамки и тематика последней по сравнению с книгой Санчеса Келя значительно уже, а объем намного больше. Шмитт смог дать более обстоятельное освещение вопроса, основанное на изучении ранее неизвестных документов из архивов и библиотек не только Асунсьона, но также Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Буэнос-Айреса, Берлина, Мюнхена, Бонна и широкого круга опубликованных источников и литературы. Ценный материал содержится в многочисленных примечаниях к работе. Таким образом, эту монографию, восполняющую существенный пробел в научной литературе по новой истории Парагвая, можно считать полезным вкладом в буржуазную латиноамериканистику.

В книге Шмитта приведен обширный фактический материал об установлении контактов между Парагваем и странами Европы, признании независимости Парагвая Англией, Францией и другими европейскими государствами, заключении торговых договоров между ними и Парагваем (1853 г.), пребывании первой парагвайской дипломатической миссии в Европе (1853—1854 гг.) и ее деятельности и др. Автор, внимательно прослеживая развитие отношений Парагвая с отдельными европейскими державами с середины XIX в. до 1870 г., особое внимание уделяет Англии и Франции; но в поле зрения его находятся также Сардиния, Португалия, Бельгия, Пруссия и Ватикан. Хотя на первом плане для Шмитта стоит чисто дипломатическая сторона дела, читатель найдет в его книге много сведений об отношениях Парагвая со странами Европы вообще. В частности, он подробно излагает все перипетии англо-парагвайского конфликта 1859—1862 гг., вызванного агрессивной политикой Англии по отношению к Парагваю⁴⁴. Шмитт приводит ряд фактов, свидетельствующих о поддержке европейскими державами антипарагвайской тройственной коалиции Бразилии, Аргентины и Уругвая. Так, он сообщает о высадке в Монтевидео (февраль 1865 г.) с целью вмешательства в войну на стороне союзников 550 английских, французских, итальянских, испанских и североамериканских моряков; об участии в боях европейских «добровольцев», вступивших в ряды аргентинской армии и флота; о враждебных Парагваю демонстрациях британских военных судов и т. д.⁴⁵

В то же время, излагая эти и другие факты аналогичного характера, автор не дает четкой оценки враждебной Парагваю позиции европейских держав. Более того, признавая недружелюбное отношение правящих кругов государств Европы к Парагвайской республике, Шмитт склонен рассматривать его всего лишь как «естественную реакцию» на репрессии асунсьонского правительства против вражеской агентуры, занимавшейся подрывной деятельностью⁴⁶. Такая постановка вопроса вытекает непосредственно из общей концепции Шмитта, который всю ответственность за возникновение Парагвайской войны пытается возложить на президента Ф. Солано Лопеса. Противопоставляя последнего его отцу и предшественнику К. А. Лопесу как «наиболее выдающейся личности в истории Парагвая», обеспечившему своей разумной политикой материальный и духовный прогресс страны, оживление производства и торговли, развитие образования, установление контактов и дипломатических отношений с другими государствами, одним словом —

⁴⁴ P. A. Schmitt. Op. cit., SS. 155—182.

⁴⁵ Ibid., SS. 132—134, 192—193.

⁴⁶ Ibid., SS. 140—141, 186.

«наивысший политический и экономический расцвет», Шмитт заявляет, что Парагвай оказался вовлеченным в гибельную для него кровопролитную войну якобы исключительно вследствие честолюбивых, экспансионистских замыслов «ужасного деспота» Солано Лопеса, претендовавшего будто бы на гегемонию во всей Южной Америке⁴⁷. Подобное истолкование событий грубо противоречит исторической действительности. Причины Парагвайской войны следует искать не в мнимой агрессивности правительства Солано Лопеса, а в стремлении реакционно настроенных господствующих классов Бразилии и Аргентины, пользовавшихся поддержкой Англии и других капиталистических государств, приостановить дальнейшее самостоятельное развитие более передовой страны и аннексировать ее территорию⁴⁸. Несмотря на отчаянное, героическое сопротивление парагвайского народа, мужественно и самоотверженно защищавшего свою независимость в неравной борьбе с превосходящими силами врагов, последним удалось одержать победу. Тяжелые последствия рокового для Парагвая исхода войны 1864—1870 гг. до сих пор сказываются на его развитии.

Анализ последних работ о Парагвае лишний раз подтверждает необходимость глубокого, всестороннего, непредвзятого, подлинно научного исследования интересного исторического прошлого этой страны. Естественно, что в решении столь важной задачи главную роль призваны сыграть прежде всего парагвайские историки-марксисты. Однако они сталкиваются на протяжении многих лет с серьезными трудностями, так как при царящих в Парагвае терроре и неограниченном произволе военщины ныне отсутствуют необходимые условия для плодотворной научной деятельности. Даже многие буржуазные ученые, подвергаясь преследованиям со стороны реакционных властей, вынуждены были эмигрировать. В связи с этим большинство крупных трудов парагвайских исследователей по различным проблемам истории Парагвая, изданных в 1940—1960 годы, было опубликовано, как правило, за пределами страны (в Аргентине, Уругвае и т. д.).

Тем не менее парагвайская национальная историография, несмотря на крайне неблагоприятные условия, все же развивается и по-прежнему вносит свой вклад в изучение ряда узловых вопросов истории Латинской Америки.

⁴⁷ Ibid., SS. 19—24, 90, 239.

⁴⁸ На это указывают авторы многих работ, в том числе принадлежащих перу советских и парагвайских историков. См. «Очерки истории Аргентины». М. 1961, стр. 198—203; «Очерки истории Бразилии». М. 1962, стр. 173—175, 181—183; H. Sanchez Quell. Op. cit., pp. 234—241; О. Крейдт. Указ. соч., стр. 271—272.